Но вопрос об отношении русской литературы XV в. к литературам западных славян — это, как мы уже указывали, не только вопрос о взаимных влияниях этих литератур. Если в идеологическом развитии западного и восточного славянства мы наблюдаем известный параллелизм, то естественно искать параллельных явлений и в истории литературы этих стран.

Как известно, развитие письменности на национальных языках происходило у западных славян медленнее, чем у восточных и южных; развитию славянской письменности препятствовала здесь католическая церковь, признававшая лишь один официальный язык церковного культа — латинский. В Чехии, где борьба против безраздельного господства церкви в идеологии началась раньше, чем в Польше, письменность на родном языке была достаточно широко распространена еще до XV в.; в Польше только к концу XV—началу XVI в. родной язык начинает вытеснять латинский язык из литературы. Меняется и характер литературы у обоих западнославянских народов. Наряду с деловой письменностью, публицистикой (гуситская литература в Чехии, сочинения Гжегожа из Санока и Филиппа Калимаха в Польше) и памятниками полуцерковной, полусветской литературы (например, «Повесть о Варлааме и Иоасафе», переведенная в XV в. на чешский язык)[30] в западнославянских странах начинает развиваться и чисто светская художественная литература (беллетристика). Уже к концу XV в. многие популярные сюжеты городской и рыцарской литературы позднего средневековья либо в переводах на славянские языки, либо по латинским текстам были известны в Чехии и Польше.

Одним из наиболее любимых памятников рыцарской литературы на Западе был роман об Александре Македонском, составленный в X в. (на основе эллинистического романа, приписываемого Каллисфену) архиепископом Неаполитанским Леоном и именуемый обычно «Историей о битвах Александра Македонского» (Historia Alexandri magni, Regis Macedoniae, de proeliis); в XII в. появилось поэтическое переложение биографии Александра, принадлежавшее Гвальтеру де Кастельоне (Готье Шательон). На основе этой поэмы (и ее немецкой обработки Вальтера фон Эшенбаха) была составлена в начале XIV в. чешская «Александреида»;[31] перевод прозаической «Истории о битвах Александра» был сделан несколько позже — в XV в.[32] С темами античности связывали средневекового читателя и рассказы о Троянской войне, восходившие в литературе того времени не к поэмам Гомера, а к позднеримским компиляциям псевдо-Дарета и псевдо-Диктиса. В XV в. на чешский язык была переведена одна из средневековых переработок псевдо-Дарета и псевдо-Диктиса — «Троянская хроника» Гвидо де Колумна; этот перевод был первой книгой, напечатанной (в 1468 г.) на чешском языке.[33] В Польше XV в. «История о битвах Александра» и «Троянская хроника» были известны в латинских списках;

А. С. Орлов. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII вв. Л., 1934, стр. 43—45.

[30] Ср.: І. Франко. Варлаам і Йосаф, старохристияньский духовный роман і его літературна історія. — Записки наукового товариства імени Шевченка, р. VI, кн. IV, т. XVIII. Львів, 1897, стр. 108—109. Текст чешского «Варлаама и Иоасафа» (перевод Томаса Штитного) см.: Barlaam a Josafat, prełozil Tomáš ze Štítného. — Památky staré literatury české, N 2. Praha, 1946.

[31] Staroceská Alexandreida. Uspořadal V. Vážný. Praha, 1949; ср.: H. H. Bielfeldt. Die Quellen der alttschechischen Alexandreis. Berlin, 1951.

[32] Текст см.: Fr. Prusik. Kronika o Alexandru Velikém. — Krok, ročnik VIII—XI. Praha, 1894—1897; перепечатано (неполностью) в сборнике: Próza z doby Karla IV. Praha, 1948, стр. 226—242; ср.: J. Vlček. Dějiny české literatury, I. Praha, 1960, стр. 35—36, 217.

[33] J. Vlček. Dějiny české literatury, I, стр. 216—217; Proza z doby Karla IV, стр. 278—324.